

П.С. Кабытов*

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Г.А. ГЕРАСИМЕНКО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Аграрная история России XX веков: историография и источники»), проект № 13-01-00081

современной российской историографии существенно возрос интерес к изучению творческого наследия видных историков-аграрников, формирование концептуальных взглядов которых происходило в условиях господства марксистско-ленинской методологии. К числу таких исследователей относится и выпускник исторического факультета Саратовского государственного университета Григорий Алексеевич Герасименко. Его научное наследие обширно и насчитывает свыше 120 публикаций, в том числе 15 монографий¹, которые получили положительную оценку научной общественности, что нашло отражение в рецензиях, опубликованных в академических журналах «Вопросы истории», «История СССР» и в ряде других изданий². Отметим, что до настоящего времени отсутствуют статьи о вкладе ученого в разработку проблем аграрной истории. Безусловно это связано с тем, что поначалу Г.А. Герасименко занимался изучением двух основных проблем, которые находились в центре внимания советских историков, входивших в такое профессиональное объединение как Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», которым руководил академик И.И. Минц. Да и его научный руководитель, профессор Саратовского государственного университета В.К. Медведев настоятельно советовал аспиранту сосредоточиться на изучении истории партийной борьбы в Советах нижнего Поволжья в 1917 г. и особенностях установления советской власти в губернских и уездных центрах региона. Не случайно поэтому первые его книги были посвящены изучению этих проблем³. Если говорить о методологии исследования, которую использовал в своих научных исследованиях Г.А. Герасименко, то она шла в русле советской историографии. Кстати сказать, именно во второй половине 60-х гг. в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции шла подготовка коллективных монографий, в которых освещался процесс подготовки и проведения социалистической революции. Г.А. Герасименко входил в коллектив авторов, который опубликовал и издал в 1967 г. монографию «Октябрь в Поволжье»⁴. Руководителем этого коллектива был академик И.И. Минц. Поэтому концептуальные воззрения авторов этого издания не могли учитывать Г.А. Герасименко, который в своей первой монографии отме-

---

* © Кабытов Петр Серафимович, кафедра российской истории Самарского государственного университета.

чал особенности возникновения советов: «в крупных экономических центрах с сильными отрядами рабочих и солдат образование советов, как правило, встречало меньше трудностей, нежели в центрах с преобладанием мелкобуржуазных слоев населения»⁵. Здесь явно прослеживается генетическая связь с концепцией авторов коллективного труда. Новым было то, что исследователь подчеркивал роль солдат (крестьян, одетых в серые шинели) в процессе создания и функционирования советов. Историк также особо выделяет размежевание политических сил в офицерской и солдатской среде, которое завершилось созданием Совета солдатских депутатов, что привело к падению роли гарнизонного совета, в который вошли представители офицерского корпуса.

В центре внимания Г.А. Герасименко находились сложнейшие аспекты межпартийной борьбы в Советах Саратовской и Астраханской губернии. Исследование ведется на нескольких уровнях. Детально рассмотрен процесс создания Советов рабочих депутатов и показаны особенности слияния их с Советами солдатских депутатов. Подчеркивается, что в ходе объединения большевики сумели усилить свое влияние в Саратове и оттеснить на второй план меньшевиков и эсеров, которых автор вслед за ведущими советскими историками квалифицировал как членов мелкобуржуазных партий. Прослежены основные факторы, повлиявшие как на ход партийной борьбы в советах в уездных центрах, так и на своеобразие установления советской власти в нижнем Поволжье.

Через два года Г.А. Герасименко по заказу Саратовской областной организации общества «Знание» опубликовал брошюру, в которой с учетом концептуальных воззрений авторов коллективной монографии «Октябрь в Поволжье»⁶, проследил процесс установления советской власти в Саратовской губернии⁷. Так же как и в его первой монографии проблемы участия крестьянства в революционных событиях даются через призму объединения Советов рабочих депутатов с Советами крестьянских депутатов. Тем самым автор подчеркивал наличие союза рабочего класса с беднейшим крестьянством. Отмечена также роль солдат в установлении советской власти на местах и показано значение Декрета II Всероссийского съезда Советов «О земле»⁸.

В ходе работы в областных архивах Нижнего Поволжья Г.А. Герасименко неожиданно обнаружил массив опросных листов, в которых содержалась обширная информация о времени создания волостных советов и их деятельности. Всего им было выявлено 231 документ, которые были подготовлены к 5-му губернскому крестьянскому съезду. Изучив эти материалы, историк пришел к выводу об информативной значимости опросных листов. «Мы располагаем, – писал он в 1965 г., – чрезвычайно ценными архивными материалами, позволяющим с большей достоверностью восстановить процесс создания Советов крестьянских депутатов»⁹. В этой же статье он констатирует, что «уездные и особенно волостные Советы изучены совершенно неудовлетворительно»¹⁰. Заслуживает внимания и другой его вывод о необходимости критики источников, в том числе и материалов прессы. Он пи-

сал о необходимости тщательной критической проверки сведений опубликованных в газетах¹¹.

Начало научной карьеры складывалось так, что он оказался включенным в состав коллектива историков Поволжья, готовивших к публикации монографию «Октябрь в Поволжье». Вспоминая то время, Г.А.Герасименко отмечал, что эту группу входили В.К.Медведев, Е.И.Медведев, И.М.Ионенко «авторитетные ученые, представлявшие Нижнее, Среднее и Верхнее Поволжье, а конкретно Саратов, Самару и Казань»¹². Работа по согласованию концептуальных положений и редактированию текстов монографии осуществлялась при непосредственном участии академика И.И.Минца, который вместе с Е.Иллерицкой и А.П.Ненароковым обычно жили в номерах гостиницы «Волга». «Вот они то и вынесли – писал он – на своих плечах труднейшую работу по созданию, сплочению и руководству довольно большого авторского коллектива»¹³. Руководители коллектива были осведомлены о том, что Г. А.Герасименко написал оригинальную работу по истории Советов нижнего Поволжья, в которой впервые ввел в научный оборот новые архивные документы. Эти материалы, в том числе и по советам Астрахани, были использованы при написании коллективной монографии. Однако, после выхода в свет монографии «Октябрь в Поволжье» старые астраханские и волгоградские большевики обвинили авторов во всех смертных грехах, заявляя, что они исказили и даже оклеветали астраханских большевиков того времени, и неверно оценили их вклад в процесс борьбы за советскую власть.

Но предоставим слово Г.А. Герасименко: «Я был очевидцем того, какое впечатление письмо произвело на членов редколлегии. Оно было удручающим. А поскольку главным поставщиком архивных материалов по событиям в Астрахани был я ... то члены редколлегии обязали меня держать ответ перед старыми большевиками. Конечно, надежда на то, что я, начинающий тогда исследователь, вытащу их из этой ситуации, была мала. Ответ большевикам вылился в 24 страницы мелкого шрифта. И после того как члены редколлегии его подписали и отправили в ИМЛ [Институт марксизма-ленинизма – П.К.], никаких действий не последовало. Москва умолкла...». Меня особенно восхитили слова «Москва умолкла». Так убедительны были доводы молодого историка. Самое главное состояло в том, что участие в коллективной работе Г.А. Герасименко дало для него «очень много полезного и поучительного». Важным итогом этой работы было и то, что он стал одним из активных участников многих научных конференций, проводимых Научным Советом.

Вторая половина 1960-х гг. важнейший этап в жизни Г.А. Герасименко. Он тщательно штудировал новейшую литературу по истории второй российской революции. Примечательно то, что помимо региональных изданий он досконально изучает литературу, вышедшую не только в Москве и в Ленинграде, но и в других регионах страны. Его не могли не заинтересовать работы научных сотрудников Истпартов, которые были созданы по инициативе В.И. Ленина в 1922 г.

Интеллектуальный поиск новой масштабной научной проблемы активно шел и во время учебы Г.А. Герасименко на факультете повышения квалификации Московского государственного университета. Туда он был направлен в августе 1968 г.¹⁴. В стенах старейшего российского университета Г.А. Герасименко не только слушал лекции многих ведущих историков страны, но и установил научные контакты с профессором В.М.Селунской, бывшим в то время деканом исторического факультета МГУ академиком Ю.С. Кукушкиным и др. В те четыре месяца ему удалось много поработать и в архивах, и в библиотеках Москвы.

И все-таки при определении темы докторской диссертации для Г.А.Герасименко исключительно важное значение имели консультации с И.М.Ионенко и Е.И.Медведевым. Но если Медведев мог просто подбодрить: «Давай, Гриша работай, у тебя получится!» То И.М.Ионенко, будучи генератором научных идей и одним из признанных специалистов по истории крестьянства, мог без устали обсуждать различные аспекты истории аграрной революции в России. Поэтому общению с И.М.Ионенко Г.А.Герасименко всегда придавал особое значение.

В ходе этих обсуждений и раздумий у Г.А. Герасименко родилась идея приступить к изучению истории низовых крестьянских организаций в 1917 г. Но для этого надо было привлечь массовые источники, сохранившиеся в фондах государственных областных архивов. В отпускные месяцы он стремился хотя бы дней 20 поработать в архивах. Почему саратовский историк уделял работе в архивах первостепенное значение? Дело в том, что он поставил перед собой сложнейшую задачу – осуществить фронтальное изучение всего комплекса архивных источников. Исследователь отчетливо понимал, что только такой подход поможет понять крайне сложный и противоречивый характер аграрной революции и выяснить роль и место низовых крестьянских организаций в процессе установления советской власти. Вновь, как и прежде, при написании кандидатской диссертации, он ведет свое исследование в территориальных границах Нижнего Поволжья.

Фронтальное изучение документов, хранящихся в фондах государственных архивов Самарской, Волгоградской и Астраханской областей, позволило не только выявить громадный пласт массовых источников, но и в рамках марксистско-ленинской методологии предложить научному сообществу новое оригинальное решение проблемы участия в политической жизни региона низовых крестьянских организаций, которые сыграли видную роль в развитии аграрной революции в Нижнем Поволжье. Анализ историографической ситуации позволил выявить весь спектр оценок советскими историками социального состава Советов крестьянских депутатов. По мнению ученого историка не в полной мере учитывали роль и политический вес среднего крестьянства в докомбедовский период¹⁵. «В результате, – писал Г.А. Герасименко, – ликвидации частного землевладения и передела земли по едокам, осуществленной весной 1918 года значительная часть бедноты поднялась до уровня середняков»¹⁶. И далее следовал вывод «средние крестьяне уже в тот период становились главной фигурой в деревне»¹⁷.

А потому в монографии, а затем и в докторской диссертации Г.А. Герасименко поставил задачу установить: представители каких слоев сельского населения преобладали в Советах первого состава. Далее он стремился выявить «как изменилось соотношение сил в советах к лету 1918 г.»⁸. Весьма важен вывод о том, что в советской историографии отсутствовали «конкретно-исторические исследования, посвященные всей цепи низовых крестьянских организаций»¹⁹, возникших в период второй российской революции. В монографии воссоздан статистический портрет низовых крестьянских организаций, приведены результаты выборов в волостные и сельские исполнительные комитеты, выявлен их социальный состав, доказано что их состав стал меняться уже весной 1917 г., когда в деревню стали прибывать сотни тысяч уволенных в краткосрочный отпуск солдат. В результате к лету 1917 г. «волостные комитеты стали однородно-сословными крестьянскими учреждениями»²⁰.

Традиционно для советской эпохи саратовский историк анализировал цель столыпинской аграрной реформы, реализация которой привела «к дальнейшему обеднению общины и известной невилеровке общины»²¹. Г.А. Герасименко констатирует рост протестных выступлений, направленных против хуторян и отрубников. Убедительно выглядит таблица, в которой приведены данные о партийном составе членов волостных комитетов, их финансовом положении. Установлено, что члены волостных и сельских исполнительных комитетов получали символическую заработную плату и выполняли свои обязанности на общественных началах²². Новые данные приведены о динамике возникновения продовольственных комитетов Саратовской губернии, а также волостных и сельских советов. Подчеркнуто, что низовые крестьянские организации, не дожидаясь указаний сверху создавали собственную правовую базу. А «постановления сельских сходов, резолюции волостных, губернских и всероссийских собраний и уездов крестьяне рассматривали как закон»²³. Тем самым они стремились «обезопасить себя в правовом отношении»²⁴.

В результате нового прочтения массовых источников историк показал масштабы и направленность крестьянских выступлений крестьян против помещиков, частных владельцев и землеустроенных крестьян. Статистические данные, приведенные Г.А. Герасименко показывают, что пик выступлений против помещиков, казенного и церковного землевладения приходится на апрель 1917 г. (194 выступления), тогда как движение за ликвидацию хуторов и отрубов возросло в мае 1917 г. Из 65 выступлений крестьян 43 направлены на захват и ликвидацию хозяйств столыпинских выделенцев.

В центре внимания историка оказались также земельные комитеты, которые создавались летом 1917 г. теми же социальными слоями, что и волостные исполнительные комитеты. «Как и их предшественники, волостные земельные комитеты оказались в руках ... бедняков и середняков»²⁵. Они, опираясь на решения сельских сходов, решительно вторгались во все сферы экономической жизни села: брали на учет имения и экономии, конфис-

ковывали пашни и сенокосы, передавали сельскохозяйственный инвентарь крестьянам. По мнению Г.А. Герасименко, они внесли организующие начало в массовое крестьянское движение²⁶. В тоже время он отмечал, что к осени 1917 г. часть земельных комитетов «потеряла роль руководящих центров в деревне»²⁷ но большинство комитетов сохранило демократический состав.

В отличие от предшественников Г.А. Герасименко по-новому подошел к участию солдат в организации протестных выступлений в деревне, которые осенью 1917 г. переросли в восстания. Особенность этого этапа развития аграрного движения состояла в том, что если летом 1917 г. низовые крестьянские организации брали на учет помещичьи хозяйства и составляли описи имущества, то осенью стало увеличиваться число разгромов и разграблений частновладельческих владений. Резко возросло число протестных выступлений против землеустроенных хозяев – хуторян и отрубников. Об этом в частности свидетельствуют статистические данные, которые автор приводит в таблицах 11 и 12²⁸. Интересен вывод о взаимоотношениях властных структур с низовыми крестьянскими организациями, на которые в июле – августе 1917 г. был осуществлен «военно-бюрократический натиск Временного правительства», что привело к снижению протестных выступлений. Но, несмотря на это, они не были ликвидированы и осенью продолжали занимать демократические позиции.

По-новому освещен процесс создания волостных земств в Нижнем Поволжье. Безусловно, и в этом разделе присутствуют традиционные подходы к анализу взаимоотношений властных структур с политическими партиями накануне и во время проведения выборов в низовой аппарат земских учреждений, а потому автор привел иллюстративный материал о порой отрицательном отношении крестьян к этой инициативе Временного правительства. Вряд ли на современном этапе развития российской историографии можно согласиться с выводом Г.А. Герасименко о том, что на смену низовым крестьянским организациям «пришли антидемократические в основной массе кулацкие, правоэсеровские волостные земские управы, которые своей консервативной, охранительной деятельностью оттолкнули от себя трудовое крестьянство, тем самым лишились его доверия и поддержки и ослабили организующее начало в крестьянском движении»²⁹. Но в то время иные концептуальные воззрения не могли получить поддержки научного сообщества. А потому историк, пытаясь обосновать свои выводы, и приводя статистические данные о числе крестьянских выступлений крестьян против помещиков и зажиточных крестьян, хуторян и отрубников³⁰, и в этом случае подкреплял их иллюстративным материалом.

По-новому представлен и процесс установления советской власти в ниже-волжской деревне. Приведены данные о ходе и итогах выборов в Учредительное собрание. Показана роль солдат в организации советов и установлении советской власти на местах. Большое внимание уделено изучению настроений бедняцко-средняцких слоев деревни в связи с изменением политической ситуации в стране. Отмечено, что вопросы о власти, о

земле и мире приобретали особую остроту. В монографии приведены статистические таблицы, в которых представлена динамика хода провозглашения советской власти в уездах региона, возникновении волостных составов; а так же приводятся статистические данные об отношении крестьян к советской власти весной 1918 г.

Автору удалось создать панораму деятельности волостных советов в докомбедовский период по основным направлениям: аграрная деятельность (конфискация помещичьих хозяйств, передача рабочего скота и сельхозинвентаря в распоряжение крестьянских советов; возвращение в общину земельных владений хуторян и отрубников, перераспределение земель, что позволило увеличить крестьянское землепользование.

В центре внимания историка оказались также военная, финансовая и продовольственная деятельность советов. Таким образом, весной 1918 г. Советы фактически сосредоточили в своих руках все основные вопросы жизнедеятельности, но они в условиях экстрима, нарастания социально-политических противоречий не смогли эффективно решать эти проблемы, что вынудило центральную власть перейти к чрезвычайным формам управления страной.

В монографии Г.А. Герасименко был поставлен и значительной степени по новому решен комплекс проблем, возникших в ходе аграрной революции. На основе анализа массовых источников показана роль низовых крестьянских организаций, которые по существу выступали организаторами массового аграрного движения.

Не случайно эта монография была высоко оценена научной общественностью и в 1978 г. опубликована в США³¹.

Изучение деятельности советов в докомбедовский период получила освещение в новой монографии Г.А. Герасименко, которая была издана в 1980 г. совместно с В.П. Семьяниновым³².

Проблемы участия трудящегося крестьянства в революции и создании советского государственного аппарата на местах и в то время оставалась одной из важных задач. По многим вопросам возникновения и деятельности докомбедовских крестьянских Советов, их социально-классового состава в литературе не было единого мнения. Как правило, дискуссии велись с привлечением незначительного количества документов низовых—сельских и волостных Советов. В монографии Г. А. Герасименко и В. П. Семьянинова впервые предпринята попытка на конкретно-историческом материале такого важного и крупного аграрного региона страны, как Поволжье, отличавшегося от других районов Европейской России многонациональным составом населения и различным уровнем развития капитализма в деревне, рассмотреть социальный состав и характер деятельности низовых крестьянских Советов первого созыва, определить их место и роль в новой государственной системе. В своих наблюдениях и выводах авторы опираются, прежде всего, на документы низовых крестьянских Советов (анкеты, опросные листы, протоколы и др.), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Обработка массовых источников позволила им аргумен-

тировано решить вопрос о социальном составе и характере деятельности низовых Советов крестьянских депутатов в Поволжье.

Освещая расстановку классовых сил, авторы показывают, что идею Советов поддержали все трудящиеся крестьяне. В традициях советской историографии они приводят материалы сельских сходов и собраний, созываемых солдатами, представителями Советов рабочих и солдатских депутатов, членами РСДРП (б), на которых крестьяне выражали свое отношение к революции, осуждали политику Временного правительства, выступали в поддержку Совета народных комиссаров. Характеризуя позицию земств, авторы констатируют, что эти органы солидаризировались с буржуазно-помещичьей властью и принимали меры к оказанию помощи Временному правительству: «По главному вопросу революции — вопросу о власти — буржуазная сущность земских учреждений проявилась наиболее рельефно»³³.

Авторы устанавливают время и способы ликвидации земств. Они доказывают, что исход борьбы за власть Советов в деревне был смещен во времени и находился в прямой зависимости от классовой борьбы в городе. Коренные политические и социально-экономические преобразования в городах явились важным фактором подрыва влияния эсеров в деревне. Мощное воздействие на процесс установления Советской власти в сельской местности оказывали губернские комитеты партии большевиков, губернские, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также губернские крестьянские съезды, которые явились «настоящей политической школой для представителей волостей»³⁴. Оценивая роль и значение таких массовых объединений, как крестьянские съезды, авторы, к сожалению, не охарактеризовали с достаточной полнотой значение III Всероссийского съезда Советов и объединения Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов для установления Советской власти в деревне.

Г. А. Герасименко и В. П. Семьянинов уточнили время массового создания волостных Советов в губерниях Поволжья (ими выявлены сроки создания 830 волостных Советов)³⁵, анализируя при этом особенности социально-экономического развития региона, деятельность большевистских организаций, позиции эсеров.

Большое внимание уделено в монографии анализу роли и деятельности солдат, агитаторов ЦК РСДРП(б), Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, делегатов крестьянских съездов по созданию низового аппарата Советской власти. При всем многообразии структурных подразделений и норм представительства в Советах, отмечают авторы, в целом низовой аппарат Советской власти мог вполне квалифицированно осуществлять политические, административно-хозяйственные, культурно-просветительные функции³⁶.

Конкретно-исторический материал, приводимый в книге, свидетельствует о том, что эффективность деятельности волостных Советов, их авторитет и влияние находились в прямой зависимости от того, каков был их социальный состав, интересы каких слоев крестьянства они отстаивали. В

докомбедовские Советы избирались представители всех социальных групп деревни, но кулаки и другие представители сельской буржуазии в момент создания низовых Советов заняли по отношению к ним враждебную позицию, продолжая поддерживать земства, поэтому «состав волостных и сельских Советов первого созыва сложился в пользу трудящихся слоев сельского населения»³⁷. Об этом свидетельствует деятельность Советов, направленная на удовлетворение интересов бедноты и середняков.

Подробно анализируется в монографии участие волостных Советов в аграрных преобразованиях. Показаны методы ликвидации помещичьих имений, подчеркнуто, что Советы распределяли землю в абсолютном большинстве случаев по едокам, т. е. в интересах трудящихся. Авторы выделяют две стадии в процессе ликвидации имений. На первой, когда этим занимались земельные комитеты и земства, в дележе могли участвовать все жители, предпочтения беднякам не отдавалось, поэтому большая часть имущества досталась зажиточным. На второй стадии распределение помещичьего имущества в Поволжье взяли в свои руки Советы, которые прежде всего учитывали интересы бедняков и середняков. Аграрная деятельность Советов вызывала доверие масс и способствовала преодолению погромных настроений, получивших в Поволжье довольно значительный размах. Убедительно показано, что в ходе перераспределения земель позиции сельской буржуазии оказались подорванными, по капиталистическим отношениям в деревне был нанесен сильный удар.

Освещая военную деятельность Советов, Г. А. Герасименко и В. П. Семейнинов считают, что создание отрядов Красной гвардии и народных дружин было вызвано необходимостью противостоять попыткам помещиков и сельской буржуазии воспрепятствовать установлению Советской власти. В монографии рассматриваются принципы формирования отрядов сельской Красной гвардии, находившихся, как правило, в распоряжении Советов, которые определяли права и обязанности красногвардейцев, порядок прохождения службы и т. д., обеспечивали их оружием, обмундированием, продовольствием. Авторы отмечают особенности формирования отрядов Красной гвардии — создавались они там, где чаще вспыхивали кулацкие мятежи и где уезды подвергались нападению казачьих банд. Так, в Самарской и Саратовской губерниях их было организовано в несколько раз больше, чем в остальных губерниях Поволжья. Эти вопросы были в то время недостаточно освещены в литературе, и авторы вносят определенный вклад в анализ процесса создания крестьянской Красной гвардии в Поволжье.

В монографии рассмотрена, причем впервые, финансовая деятельность волостных Советов. Несмотря на трудности, Советское правительство изыскивало возможности для финансирования губернских и уездных Советов, но, не будучи в состоянии удовлетворить потребности низовых Советов, ориентировало их на самостоятельный сбор средств (доходы от ликвидации имущества частновладельческих имений, контрибуции и налоги с буржуазии и кулаков, займу, субсидии и т. д.). По мнению, авторов, позиция

середняка, который в связи с ликвидацией частного землевладения и переделом земель становился главной политической фигурой в деревне, была одной из причин слабой финансовой деятельности волостных Советов. Попытки решения финансовой проблемы неизбежно затрагивали материальные интересы середняков, а потому в политической обстановке того времени среднее крестьянство стало склоняться на сторону сельской, буржуазии. К лету 1918 г. в значительной части низовых Советов пролетарская, антикулацкая направленность их деятельность была ослаблена. Эти обстоятельства и выдвинули на первый план задачу создания комитетов деревенской бедноты, способных последовательно проводить в жизнь пролетарскую линию³⁸.

В книге анализируются причины неудачи продовольственной политики Советской власти в первой половине 1918 года. Однако объективные и субъективные обстоятельства (например, неурожай 1917 г. и изменения в составе Советов) не разграничены. Слабо показано руководство низовыми Советами со стороны большевистских организаций. Почти отсутствуют сведения о создании и деятельности сельских Советов.

Г.А. Герасименко приехал в Москву в 1980 г., когда, казалось бы, устои развитого социализма были незыблемы. Это было время, когда отечественная историография находилась под административным воздействием партийных органов. Неосталинская концепция в научных трудах историков становилась господствующей. Поэтому определение проблематики научных исследований было чрезвычайно актуальным для Г.А. Герасименко. Он вполне мог заниматься изучением молодежного движения в нашей стране, но еще в Саратове, работая над докторской диссертацией, Г.А. Герасименко установил, что массовое аграрное движение выступало за отмену частной собственности на землю, и в том числе за возвращение в распоряжение сельской поземельной общины земель, укрепленных в личную собственность хуторянами и отрубниками. Поэтому он считал, что изучение крестьянского движения в период между двумя российскими революциями может многое прояснить в характере и особенностях революции 1917 г.

Конечно, Г.А. Герасименко хорошо знал о дискуссиях, которые велись представителями нового направления в советской исторической науке (А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, В.П. Данилов, М.Я. Гелфтер) и официальными историографами, которые считали, что к 1917 г. в российской деревне господствовали капиталистические отношения. Речь шла главным образом об особенностях и характере аграрного строя России начала XX века. Но Герасименко в большей степени волновали не экономические характеристики состояния сельского хозяйства, а реакция крестьян на крутой поворот в аграрной политике императора Николая II. Суть ее состояла в разрушении сельской поземельной общины и создании слоя земельных собственников из числа землеустроенных крестьян, укрепивших земельные наделы в личную собственность.

Его новая монография, в которой раскрывались формы и методы противодействия крестьян столыпинской земельной реформе, была опубли-

кована издательством Саратовского университета в 1985 г.³⁹ Я был рецензентом этого издания. Научным редактором монографии был выдающийся историк-аграрник В.Г. Тюкавкин. В отличие от прежних исследований, которые имели региональный характер, в этой монографии анализировалось крестьянское движение в губерниях Европейской России. Это потребовало значительного времени, большая часть которого ушла на сбор материалов. Г.А. Герасименко проделал огромную работу по изучению документальных публикаций, а затем по выявлению огромного массива источников в фондах Центрального государственного исторического архива (ныне РГИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ). Автор привлек также и материалы центральных и региональных периодических изданий.

Монография Г.А. Герасименко появилась на сломе двух эпох. С одной стороны в советской историографии доминировали принципы и методы марксистско-ленинской методологии, а с другой явно наметились новые подходы в изучении аграрной истории России. В этой связи в его новом научном труде как в зеркале нашли отражение обе тенденции. Так, автор монографии вслед за многими советскими историками пишет о провале аграрной политики царизма⁴⁰. Традиционно историк считал, что «история реформы является историей борьбы общинников против выделенцев»⁴¹. Далее, отмечая рост социальных противоречий внутри крестьянства, он приходит к выводу о том, что «напряженные столкновения между бедной и зажиточным крестьянством вылились в настоящую социальную войну»⁴². Но есть и другие оценки. По его мнению реформа «ускорила развитие капитализма в сельском хозяйстве, усилила расслоение крестьянства и крайне обострила классовую борьбу в деревне»⁴³. Заслуживает внимание анализ оппозиционных настроений в деревне в связи с принятием указа 9 ноября 1906 г. «Оппозиция, – полагал Герасименко, – не поддается какому-либо точному статистическому выражению – слишком разнообразным было ее проявление. Она представляется в виде огромного айсберга, большая часть которого была скрыта от представителей власти»⁴⁴.

По новому звучит вывод Г.А. Герасименко о протестном движении крестьян, которое развивалось в двух направлениях: противодействие крестьян при проведении землеустроительных работ и систематическое давление крестьян на выделенцев⁴⁵.

Герасименко анализирует роль властных структур в проведении реформы, показывает отношение крестьян к землеустроительным комиссиям, раскрывает формы противодействия крестьян проведению в жизнь новой имперской аграрной политики. Ярко и эмоционально выглядит воссозданная историком картина, которая дает представление о взаимоотношениях общины и выделенцев, против которых использовались разнообразные эффективные методы и приемы. И далее он формулирует выводы о том, что к 1914 г. «внутри крестьянские противоречия стали настолько острыми, что всякий инцидент с землеустроителями вел к столкновениям с теми, кто пытался с помощью реформы урвать себе лучшую часть надельных земель»⁴⁶.

Научную значимость не потерял и другой вывод Герасименко. «Экономически состоятельная часть деревни, покидая общину, постепенно ослабляла возможность влиять на сходы и тем самым теряла право избирать и быть избранными в волостные и сельские органы»⁴⁷, что подталкивало П.А. Столыпина к инициированию введения в Российской империи института волостного земства. Но его идея не нашла поддержки.

К числу несомненных достоинств, проделанной Г.А. Герасименко работы, следует также отнести скрупулезный подсчет количества крестьянских выступлений, что позволило представить реальные масштабы протестных акций в ходе реализации столыпинской аграрной реформы. Да и сам материал, которым располагал историк подводил его к выводу о том, что в деревне оформилось демократическое большинство, которое по инерции продолжило видеть в общине защитника своих интересов, а сама сельская поземельная община в условиях экстрима вынуждена была искать все новые и новые методы защиты своих интересов.

Изучая историю Советов в период второй российской революции Герасименко не мог не заметить, что земства играли видную роль в революционных событиях. В течении пяти лет он работал над монографией «Земское самоуправление в России». Книга была опубликована в издательстве «Наука». После ее выхода я написал на нее рецензию и отослал в журнал «Вопросы истории». Несмотря на то, что монография была написана на основе марксистско-ленинской методологии, в ней явно просматривались новые подходы в освещении революции 1917 г. Вот как Г.А. Герасименко обосновал необходимость изучения этой демократической институции. Во введении он пишет, что и российские дореволюционные и зарубежные историки традиционно рассматривали земства в виде внеклассовой идеальной системы управления, ссылаясь на книгу, изданную американскими историками в США⁴⁸.

Г.А. Герасименко констатирует: в процессе «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую земства являлись серьезной политической силой, и чем выше становился накал классовой борьбы, тем острее становилась борьба за власть на местах. Мы не знаем ни одной губернии и даже уезда, где бы земские учреждения оказались в стороне от этой борьбы»⁴⁹.

Г.А. Герасименко обосновывал выбор земской проблематики как ее научной, так и политической значимостью. Дело в том, что исследователи второй русской революции основное внимание сосредотачивали на деятельности большевистской партии и Советов, что, вполне естественно, вело к одностороннему освещению исторического процесса. Сам факт признания этой односторонности весьма симптоматичен. На наш взгляд, это одна из первых попыток Г.А. Герасименко выйти за границы марксистско-ленинских мифологем. «Без воссоздания, – отмечает автор, – истории земских учреждений картина распространения советской власти по стране останется односторонней, неполной»⁵⁰.

Новая монография Герасименко основательно фундирована. Она написана на широкой источниковой основе. В ней представлены материалы не

только центральных, но и областных государственных архивов. Цитировались также материалы периодической печати. Весьма ценным являлось привлечение им документов, авторами которых были рабочие, крестьяне и солдаты. «Именно они придают колорит эпохе и заслуживают особого доверия», – подчеркивает Г.А. Герасименко.

До февральский период освещен в книге в основном по уже имеющейся литературе, хотя по некоторым менее значимым вопросам, автор привлекает новые источники. Рассматривая период между первой и второй русскими революциями, автор весьма подробно рассказывает о попытке П.А. Столыпина поставить земства на службу аграрной реформе. Интересна характеристика состояния органов земского самоуправления накануне Февральской революции.

По мнению автора, основным результатом, достигнутым земствами за полвека их существования, это земский аппарат и его кадры, которыми буржуазия могла воспользоваться при переходе государственной власти в ее руки. «Подобно тому, как рабочий класс к моменту Октябрьской революции имел готовый механизм государственной власти в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в канун Февральской революции в качестве буржуазного аппарата управления оказались земские учреждения и армия земских служащих, способных пустить его в дело»⁵¹.

Конечно, и в то время историк не избежал искушения дать привычные для советской историографии оценки. Так он привел материалы о том, что царская бюрократия якобы сделала все от нее зависящее, чтобы подавить ростки нового общественно-политического института. И далее он говорит о том, что она выступала против земской реформы на всех стадиях ее разработки. Борьба шла по важнейшему вопросу – о линии разграничения, отделяющей хозяйственные проблемы уездов и губерний от политических вопросов. Автор показывает, какими сложными и противоречивыми процессами сопровождалось рождение земств. Бюрократия сумела их приспособить к своим потребностям. В итоге земства были скованы бюрократической опекой.

И, тем не менее, автор подчеркивает, что система земств оказалась работоспособной. Их жизнеспособность обеспечивалась, прежде всего, тем, что они были самоуправляющимся механизмом: сами избирали свои руководящие органы, определяли структуру управления, направления своей деятельности, подбирали и готовили нужных им специалистов и т.д. К тому же они располагали значительными финансовыми возможностями, поскольку имели право вводить специальные налоги.

Основное внимание в монографии уделено истории земства в 1917-1918 годах. Этому периоду посвящены пять глав. Вошедшие в них сюжеты во многом исследованы впервые. Выяснение роли и места земств, представлявших, по мнению автора, правое крыло российского общества в событиях 1917 г., позволяет, по его мнению, более точно определить расстановку сил в революции 1917 г. и правильнее оценить сущность общественно-политических институтов, представлявших эти силы.

Восстановление подлинной истории земства дает возможность получить более полное представление и о Февральской революции, и о событиях лета и осени 1917 г., и об Октябрьской революции. Советы, с одной стороны, земства и думы – с другой, представляли два противоположных пути развития революции: первые – революционно-демократический, а затем и пролетарский, вторые – буржуазный. Борьба земств против Советов шла с переменным успехом. Земствам иногда удавалось захватить власть в свои руки, однако удержать ее на более или менее длительное время они были не в состоянии.

По вопросу о причинах краха земского самоуправления в науке ведутся споры. Американский историк У. Розенберг считает, что земства сошли со сцены из-за темноты, невежества и консерватизма крестьян, их приверженности к старым институтам управления и враждебности к либеральному конституционализму⁵². Герасименко еще по инерции полагал, что главная причина краха земского самоуправления заключалась в том, что земства изначально и после земской реформы Временного правительства были буржуазными учреждениями. Борьба между Советами и органами местного самоуправления непосредственно отражала противоборство рабочего класса и крестьянства с буржуазией, в ходе которого пролетариат показал себя более организованным, сплоченным и сильным, нежели буржуазия, и поэтому одержал победу.

Нельзя не отметить, что деятельность земств в годы первой русской революции представлена в книге мимоходом и бегло, хотя она и заслуживала самостоятельного анализа. Деятельность же земств в предреволюционный период показана весьма основательно и полно. При рассмотрении места и роли земства в революции 1917 г. на первый план снова выходят общие социально-политические сюжеты, а история собственно земства отступает на второй план и воссоздается лишь фрагментарно.

В начале 1990-х гг., впрочем, как и прежде, он занимался организацией учебного процесса в Академии, которая получила новый статус и стала именоваться Российской академией государственной службы при Президенте РФ, а также продолжал научную разработку проблем второй российской революции. Именно в это время он активно исследует процесс создания и деятельности общественных исполнительных комитетов, которые сыграли видную роль в период революционных событий 1917 года. Удивительно, но факт, книга, была подготовлена к изданию всего за два года⁵³. В ней явно прослеживается стремление историка использовать новые подходы в освещении истории исполнительных общественных комитетов, которые, по мнению Г.А. Герасименко, по сути дела, в 1917 г. выступали организационным оформлением народовластия в России. Это проявилось в ходе постановки проблемы и анализа научной литературы по изучаемой теме. Прежде всего, он установил, что общественные исполнительные комитеты были широко распространенной формой народовластия. Однако они оказались не нужными ни Временному правительству, ни большевикам, для которых идеальной формой власти стали Советы⁵⁴.

Герасименко выделяет этапы в организации и деятельности этих комитетов – «крутой подъем весной, резкий спад к середине лета» и медленное умирание в августе и сентябре. Случилось так, что они оказались на обочине революционного процесса. А сама история общественных исполнительных комитетов изучалась историками через призму борьбы пролетариата и буржуазии, а потому в оценке их деятельности наблюдалась, по определению Г.А. Герасименко, «разноголосица». Он выделяет также этапы в развитии историографии проблемы. По его мнению, историки 1920-х гг. заложили основу для ее изучения. Но в 1930-1950-е гг. историографическая ситуация изменилась, так как «на смену политическому плюрализму, характерному для 1920-х гг., пришла жесткая регламентация интеллектуальной и культурной жизни, монополярная ортодоксия, унылое единомыслие и нетерпимость к иному мнению. Здесь звучит явный намек на «Краткий курс истории ВКП(б)»⁵⁵.

В советской исторической науке возобладало мнение, что общественные исполнительные комитеты по своему составу были буржуазными и являлись местными органами Временного правительства. Причем историки не только фальсифицировали исторический процесс при анализе деятельности этих организаций, но и публиковали документы с купюрами и сокращениями⁵⁶. Более того, в 1950-х гг. «историки стали единодушно утверждать, что вхождение большевиков в общественные исполнительные комитеты было ошибкой, поскольку это усиливало позиции буржуазии и увеличивало соглашательские настроения масс»⁵⁷. Эти концептуальные воззрения в 1960-е гг. пытались пересмотреть Ф.С. Горовой и И.М. Гантман. Но как только они стремились выйти за пределы искусственно сконструированной системы мифологем, тут же появилась статья сотрудника института марксизма-ленинизма А. Совокина с критикой взглядов Ф.С. Горового⁵⁸. И в 1960-е гг., отмечал далее историк, историографическая ситуация практически не изменилась. Г.А. Герасименко правомерно считал, что новые подходы в изучении истории общественных исполнительных комитетов наметились в 1970-е гг.

Эти новации стали возможны лишь после появления фундаментальной работы Г.А. Герасименко о низовых крестьянских организациях, которая стимулировала историков к пересмотру традиционных взглядов на эту проблему. Тщательно проанализировав научные взгляды А.Я. Грунта, Г.Г. Макарова, Е.Н. Бабиковой, А.М. Андреева, Н.Г. Думовой, он пришел к выводу, что преодолеть традиционные взгляды на роль и характер общественных исполнительных комитетов историкам 80-х гг. не удалось.

В первой главе монографии анализируется процесс организации губернских, уездных и сельских общественных исполнительных комитетов. Губернские комитеты возникли в первые дни марта 1917 г. «непосредственно на митингах и собраниях в гуще народного движения»⁵⁹. Обоснованно звучит вывод о том, что определяющее влияние масс на комитеты проявилось как в разных названиях этих организаций, так и в различной структуре. В них входили представители всех слоев населения, и функционирова-

ли они за счет пожертвований. Г.А. Герасименко отметил губернские центры, в которых буржуазия сумела провести в эти комитеты много своих сторонников. Но были и такие города, в комитетах которых преобладали леворадикальные элементы. В большинстве же губернских комитетов основу составляли представители средних слоев населения.

В монографии приведены новые данные о процессе возникновения уездных комитетов, которые дали основание Г.А. Герасименко отнести уездные комитеты к последовательно демократическим учреждениям⁶⁰.

Интересны выводы и наблюдения Г.А. Герасименко о процессе создания волостных и сельских комитетов, на возникновение которых значительное влияние «оказывала общинная организация сельской жизни», а потому автор считает их состав демократическим. В монографии также приведены сведения о финансовом обеспечении низовых организаций, их взаимоотношениях с губернскими и уездными комитетами и комиссарами Временного правительства. Акцентируется внимание на правах волостных и сельских комитетов, которые, «по их собственному мнению, были безграничны»⁶¹.

Анализируя процесс создания комитетов, их социальный состав, взаимоотношения с органами власти Временного правительства, Советами и политическими партиями, Г.А. Герасименко пришел к выводу, что губернские, уездные, волостные и поселковые (сельские) комитеты «представляли собой звенья единого общественно-политического института, сложившегося в стране после свержения самодержавия»⁶². Именно комитетами был сломлен старый аппарат управления и развернута борьба за политические свободы, 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы. Представляя все больше полномочий и прав губернским и уездным комиссарам, Временное правительство шло по линии ограничения полномочий общественных исполнительных комитетов. В ходе революции исчезли лояльность и осознание необходимости совместных действий общественных исполнительных комитетов и Советов, что в конечном счете привело к изоляции комитетов и их краху. Итак, в монографии Г.А. Герасименко убедительно доказал, что низовые общественные исполнительные комитеты были созданы не буржуазией, не помещиками, не городскими думами и земствами, они возникли в результате правотворчества масс и сыграли видную роль в демократизации жизни страны в 1917г.

На этот важнейший вывод он опирался и в другой своей монографии «Народ и власть. 1917», которая вышла в свет в 1995 г.⁶³. Работа над этой монографией шла в самый сложный период становления новой российской государственности. Периодически повторявшиеся политические кризисы, в том числе события октября 1993 г., приведшие к краху советской системы и принятию новой Конституции Российской Федерации, создание новой системы органов государственного управления, военные конфликты, развязанные террористами на юге страны, – эти и другие факторы не могли не оказывать воздействия на эмоциональное состояние историка. Уже в конце 80-х гг. в ведущих научных центрах страны стала разраба-

тываться такая важнейшая проблема, как взаимоотношения власти и общества на различных этапах российской истории. И, конечно, Г.А. Герасименко не мог пройти мимо этой актуальной проблемы. Сама логика жизни и исследовательской работы подводила ученого к этой теме. К тому же в личном архиве историка был собран богатейший материал, который ранее лишь частично использовался в его опубликованных трудах.

Изучая научное наследие Г.А. Герасименко, я выявил некоторую закономерность. В саратовский период Григорий Алексеевич исследовал историю Советов, а затем низовых крестьянских организаций. В московский период он сосредоточил внимание на изучении деятельности земства и общественных исполнительных комитетов, которые и по своему составу, и по характеру деятельности отражали интересы широких народных масс.

Но вне поля зрения историков длительное время оставался такой важнейший институт Временного правительства, как губернские и уездные комиссары. Сам Г.А. Герасименко считал, что монография «Народ и власть» является логическим продолжением его книг, изданных в начале 1990-х гг.⁶⁴ В этой монографии он оперирует такими дефинициями, как народный фронт, политическое равновесие, народная программа и т.д. Все это свидетельствует о том, что исследователь отходит от одномерного отражения революционного процесса, который был характерен для научных работ советских историков. Так, оценивая ситуацию в стране сразу же после свержения самодержавия, он пишет о том, что антицаристский фронт трансформировался в народный. «Противостояние в обществе получило иную форму: линия политического разграничения на этот раз прошла между народным фронтом и цензовой частью общества»⁶⁵.

И далее он отмечал, что рабочие и солдаты, представлявшие леворадикальное крыло, стали откровенным противовесом буржуазно-помещичьему лагерю. Фиксируя взлет активности масс в первые дни революции, историк заметил, что именно тогда и Временное правительство, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов пошли на взаимные уступки. Это привело к снятию хотя и краткосрочному остроты противоречий в обществе. Однако это единение общественных сил было недолгим. Обострение противоречий между крайними полюсами привело к углублению противоречий внутри демократических сил – констатирует историк. Такой подход историка к освещению революции 1917 г. является, на наш взгляд, продуктивным. В основном борьба между радикалами и демократами развернулась за Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов⁶⁶. Интересны рассуждения автора о том, что угроза установления диктатуры исходила как от буржуазно-помещичьего лагеря, так и от демократического.

Традиционно при анализе взаимоотношений народа и власти Г.А. Герасименко вновь возвращается к описанию процесса организации и деятельности общественных исполнительных комитетов. Такой анализ нужен ему для того, чтобы еще раз подчеркнуть роль, которую сыграли эти органы народовластия в 1917 г. Пожалуй, новым является то, что, по мнению историка, комитеты занимали центристские позиции.

Но основное внимание в монографии уделено анализу формирования властных структур в период функционирования Временного правительства. И здесь в центре внимания находится институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Автор детально исследует правовые акты, в которых сформулированы принципы формирования на местах новой власти, определены функции и компетенции комиссаров Временного правительства.

Отмечается значение телеграммы князя Львова от 5 марта, которая, по существу, стала первым правовым актом, положившим начало процессу замены губернаторов губернскими комиссарами. Автор приводит противоречивые отклики политических деятелей на эту телеграмму.

Г.А. Герасименко много внимания уделяет отношению народных масс к процессу создания новых властных структур. «Главным пунктом противоречий между правительством и народом стали требования указа о назначении комиссаров из центра и непременно из земской среды. Народ имел иное мнение об организации местной власти, справедливо полагая, что это его собственное дело»⁶⁷. В этой связи он считает, что под напором критики Временное правительство впоследствии отказалось от принципа назначения и установило принцип утверждения избранных на местах лиц. В целом Временному правительству удалось быстро оформить институт комиссаров. Несмотря на «административный нажим и жесткую регламентацию, его структура оказалась весьма разнообразной и существенно отличалась от той, которую навязывало МВД»⁶⁸ – отмечает историк.

Г.А. Герасименко весьма обстоятельно говорит об отстранении комиссаров от должности, занявших ее по указу Временного правительства, о правовых актах, расширявших функции комиссаров, о взаимоотношениях общественных исполнительных комитетов и Советов с губернскими и уездными органами власти. Он подчеркивает, что уже в мае-июне 1917 г. Советы все «настойчивее заявляли права на власть и вмешивались в компетенцию комиссаров»⁶⁹. С другой стороны, комиссары Временного правительства к лету 1917 г. взяли в свое ведение канцелярии губернаторов, уездных исправников, землеустроительных комиссий, завладели материально-технической базой других учреждений, обслуживавших царских чиновников. Они все чаще использовали вместо убеждений карательные приемы⁷⁰.

Особое внимание в данной монографии Г.А. Герасименко уделяет расстановке политических сил после июльского кризиса 1917 г., когда комиссары получили преимущество над своими конкурентами. Историк приводит данные об ограничениях со стороны Временного правительства деятельности местных Советов, о применении против них санкций. Но это не ослабило претензий Советов на власть. Они все чаще вмешиваются в процедуру избрания комиссаров, вторгаются в их полномочия. Г.А. Герасименко считает, что оформление режима личной власти А.Ф. Керенского началось сразу же после июльских событий. Корниловский мятеж на короткий срок укрепил престиж А.Ф. Керенского. А затем в условиях созревания общенационального кризиса все структуры власти Временного правительства,

в том числе и институт губернских и уездных комиссаров, оказались неспособными управлять страной. «Главная же причина развала местной власти заключалась в том, что они (комиссары. – П.К.) попали в политическую изоляцию. Они полностью утратили доверие народа...»⁷¹. Итак, Г.А. Герасименко пришел к выводу, что сформированная демократами система правления к осени 1917 г. себя исчерпала. Он характеризует возникшую в стране ситуацию как формирование двух альтернативных режимов, которые «были еще более жесткие, откровенно насильственные, диктаторские режимы: крайне правый, в виде диктатуры буржуазии и генералитета, и крайне левый, тоталитарно-партократический»⁷². Как видим, автор монографии преодолел традиционные мифологемы и сумел по-новому осветить взаимоотношения народа и власти в период второй российской революции.

Подведем предварительные итоги. На начальном этапе научной деятельности – в 60-е гг. XX в. Герасименко изучал историю Советов Нижнего Поволжья, а затем деятельность низовых крестьянских организаций. По этим проблемам он издал 7 книг в издательстве Саратовского университета и одну в США, что вывело его в ранг ведущих историков второй российской революции. Несмотря на то, что эти исследования были написаны на основе марксистско-ленинской методологии, они, несомненно сохраняют и до ныне свою научную значимость так как автор, вводя в научный оборот огромный пласт массовых архивных источников, так или иначе начинал по-новому формулировать свои теоретические выводы и наблюдения, которые пока еще были прикрыты флером традиционной для тех лет советской научной риторики. При изучении аграрной истории историк, во-первых, пытался опереться на архивные материалы, отсюда стремление к фронтальному изучению архивных фондов, что позволило не только определить, но и воссоздать социальный, партийный состав крестьянских организаций и основные направления их деятельности. Поэтому для того времени исследования Г.А. Герасименко имели новаторский характер. Особенно ярко эти новации были использованы при написании докторской диссертации и в монографии по истории низовых крестьянских организаций.

В московский период проблематика исследований Г.А. Герасименко существенно расширилась. Здесь особо следует отметить его монографии о крестьянском движении в период реализации столыпинской аграрной реформы и истории земства. Изучение этих проблем велось не в локальных рамках, а в масштабе России. В 90-е гг. XX в. в его исследованиях явно прослеживается тенденция отойти от традиционных стереотипов и марксистских мифологем и по-новому анализировать ключевые проблемы России. Несомненно, одно – Г.А. Герасименко внес существенный вклад в изучение аграрной революции России начала XX в.

Примечания

¹ См. подробнее: Кабытов П.С. Профессор Григорий Алексеевич Герасименко // Известия Саратовского университета. Серия. История. Международные отношения. Отдельный оттиск. 2009. Т. 9. 27 с.

² См.: Кабытов П.С. Г.А. Герасименко, В.П. Семьянинов. Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Изд-во Саратовский университет. 1980. 228 с. // Вопросы истории 1982 №1, С. 129-131; Седов А.В. Шагин Э.М. Герасименко Г.А., В.П. Семьянинов Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Изд-во Саратовский университет. 1980. 228 с. // История СССР, 1982 №5, С. 162-163; Пушкарева И.М. Г.А. Герасименко. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 344 с. // История СССР, 1988. №3. С. 181-184; Кабытов П.С. Г.А. Герасименко Земское самоуправление в России. М. Наука 1990. 264 с. // Вопросы истории, 1991, №2-3. С. 243-245, и др.

³ Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.), Саратов, изд-во Саратовского университета, 1966; Он же. Победа Октябрьской революции в Саратовской губернии. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1968.

⁴ Октябрь в Поволжье. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1967.

⁵ Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.)... С. 14.

⁶ Октябрь в Поволжье. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1967.

⁷ Герасименко Г.А. Победа Октябрьской революции в Саратовской губернии. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1968. 51 с.

⁸ Там же. С. 19, 20

⁹ Герасименко Г.А. Возникновение Советов в Нижнем Поволжье (1917 – начало 1918 гг.) // Аспирантский сборник (история СССР). Вып. 1. Саратов, 1965, С. 50.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Герасименко Г.А. Ефрем Игнатьевич Медведев и создание коллективного труда по истории революции 1917 года в Поволжье / Г.А. Герасименко // Историк и история в меняющемся мире. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Е.И. Медведева. Самара. 2003. С. 13.

¹³ Там же.

¹⁴ Личный архив автора.

¹⁵ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 первой половине 1918 гг. на материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 33.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Там же. С. 55.

²¹ Там же. С. 58.

²² см.: Там же. С. 67.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же. С. 95.

²⁵ Там же. С. 164.

²⁶ См.: Там же. С. 164.

²⁷ Там же. С. 165.

²⁸ См.: Там же. С. 172, 175

²⁹ Там же. С. 213.

- ³⁰ См.: Там же. С. 212.
- ³¹ Gerasimenko G.A. Local Organisation in 1917 and the First of 1918. 1978.
- ³² Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). Саратов, Изд-во Саратовского университета. 1980. 228 с.
- ³³ Там же. С. 20.
- ³⁴ Там же. С. 43.
- ³⁵ Там же. С. 60.
- ³⁶ Там же. С. 77.
- ³⁷ Там же. С. 78.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 343 с.
- ⁴⁰ Там же. С. 341.
- ⁴¹ Там же. С. 324.
- ⁴² См.: Там же. С. 5.
- ⁴³ Там же. С. 4.
- ⁴⁴ Там же. С. 29.
- ⁴⁵ См.: Там же. С. 29, 55.
- ⁴⁶ Там же. С. 252.
- ⁴⁷ Там же. С. 333.
- ⁴⁸ The Zemstvo in Russia. An experiment in local Selfgovernment. Cambridge University press. 1982.
- ⁴⁹ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 4.
- ⁵⁰ Там же. С. 4.
- ⁵¹ Там же. С. 51.
- ⁵² Rosenberg W/ The Zemstvo in 1917 and under the Bolshevic Rule. - Zemstvo in Russia. Cambridge University Press. 1982, 402, 403, 405.
- ⁵³ Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России. Общественные исполнительные комитеты. М., 1992.
- ⁵⁴ Там же. С. 4.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 8.
- ⁵⁷ Там же. С. 10.
- ⁵⁸ Там же. С. 13.
- ⁵⁹ Там же. С. 16.
- ⁶⁰ Там же. С. 57.
- ⁶¹ Там же. С. 83.
- ⁶² Там же. С. 109.
- ⁶³ Там же. С. 196.
- ⁶⁴ Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 2005.
- ⁶⁵ Там же. С. 8.
- ⁶⁶ Там же. С. 17.
- ⁶⁷ Там же. С. 19.
- ⁶⁸ Там же. С. 24-25.
- ⁶⁹ Там же. С. 74.
- ⁷⁰ Там же. С. 80.
- ⁷¹ Там же. С. 156.
- ⁷² Там же. С. 160.